

Парадокс всемогущества

Когда люди видят разрушения в Газе, часто возникает вопрос: *Если Бог всемогущ, почему Он это допускает?* Это древняя проблема зла, обострённая картинами детей, погребённых под обломками, и семей, оплакивающих потери, слишком великие, чтобы их назвать. Философы когда-то формулировали проблему абстрактно: *Может ли Бог создать камень такой тяжёлый, что Сам не сможет его поднять?* В Газе этот парадокс уже не академический. Он осязаем. Если Бог может остановить убийства, почему Он этого не делает?

Коран и более широкая авраамическая традиция предлагают неожиданный ответ: Бог не действует так, чтобы это противоречило Его собственным явленным принципам. Его сила безгранична, но Его справедливость основана на принципах. Всемогущий — не тиран, подчиняющий мораль своей воле; скорее, Он желает лишь того, что соответствует провозглашённой Им справедливости и милосердию. Это и есть **парадокс всемогущества**: сила Бога проявляется не в нарушении Его собственных законов, а в их соблюдении, даже если это оставляет человеческое зло без контроля.

Божественное самоограничение: цена последовательности

Коран провозглашает:

Тот, кто убивает душу... как будто он убил всё человечество. А тот, кто спасает одну душу, как будто спас всё человечество.
- Аль-Маида 5:32

Иудейская традиция отражает это в доктрине *пикуах нефеш* — обязанности спасать жизнь, которая превосходит почти все другие заповеди. Талмуд углубляет это в *Санхедрин 90а*, где сохранение жизни связано с самим основанием божественной справедливости. Как *сунна* ислама (божественный обычай), так и *брит* иудаизма (завет) описывают Бога, который связывает Себя реляционной верностью, а не действует грубой силой.

Катастрофическое вмешательство — уничтожение агрессоров в массовом порядке — разрушило бы тот моральный порядок, который Бог поддерживает. Это превратило бы Творца в хаос, который Он ненавидит. Вместо этого Коран поясняет:

Если бы Аллах не сдерживал одних людей посредством других, то были бы разрушены монастыри, церкви, синагоги и мечети, в которых часто поминается имя Аллаха.
- Аль-Хадж 22:40

Предпочитаемый Богом способ — не одностороннее уничтожение, а опосредованное сдерживание — *сдерживание одних посредством других*. Это парадокс в действии: всемогущество, добровольно ограниченное принципами.

Христианская традиция отражает этот принцип божественной последовательности. В Гефсимании Иисус упрекнул своих последователей:

Вложи меч твой в ножны, ибо все, взявшие меч, от меча погибнут.
- Матфея 26:52

Сила, ограниченная принципами, а не грубой местью.

Утешение мученичества: горизонт за горизонтом

Там, где люди видят невозполнимую утрату, Коран открывает иной горизонт:

Не думайте, что те, кто погиб на пути Аллаха, мертвы. Нет, они живы у своего Господа, наделены уделом, радуясь тому, что Аллах даровал им из Своей милости.
- Али Имран 3:169–171

Это не банальность, а эсхатологический вызов. Те, кто был несправедливо убит, — не сноски в истории, а главные действующие лица в вечности. Их радость — упре́к их убийцам, их возвышение — оправдание их страданий.

Эта вера питала сопротивление от первых мусульман, преследуемых в Мекке, до сумуд (стойкости) палестинцев сегодня. В Газе, где миллионы перемещены, а голод преследует выживших, убеждённости в том, что мученики живы у своего Господа, — это не эскапизм, а выживание. Это превращает горе в стойкость, обломки в алтари свидетельства.

Однако обещание Корана не стирает человеческую боль. Семьи плачут, матери причитают, отцы хоронят своих детей. Первая реакция — это скорбь, плач и гнев, потому что любовь сопротивляется разлуке. Но среди палестинского народа это горе часто превращается во что-то иное: признание того, что их близкие избавлены от дальнейших страданий в руинах Газы, принятие воли Бога и терпеливая надежда на воссоединение в загробной жизни.

Их вера переосмысливает смерть не только как утрату, но и как освобождение — освобождение от земных мучений и освобождение в милость Бога. Поэтому похороны в Газе, хотя и пропитаны слезами, также звучат криками **Аллаху Акбар**. Это одновременно плач и утверждение: народ, который выбирает верить, что мученики не уничтожены, а почитаемы, не отсутствуют, а ожидаемы.

Это тоже часть парадокса: в то время как Бог отказывается нарушать Свой закон, чтобы остановить убийства, Он также отказывается оставлять их жертв в пустоте.

Моральная чистота Бога: эхо непрощённой крови

Ещё одно измерение парадокса — божественная чистота. Отказываясь вмешиваться посредством убийства, Бог полностью возлагает вину на виновных. Каждая выпущенная пуля, каждая сброшенная бомба, каждый голодный ребёнок — пятно принадлежит только им.

Тот, кто совершит добро весом с атом, увидит его, и тот, кто совершит зло весом с атом, увидит его.

- Аз-Залзала 99:7–8

Сегодня земля Газы пропитана кровью, и крик — это не голос одного брата, а сотен тысяч. **Кровь 680 000 невинных вопиет к Богу из земли Газы — как некогда кровь Авеля вопила из земли к небесам.**

Голос крови твоего брата вопиет ко Мне из земли. Что ты сделал?

- Бытие 4:10

В День Суда само тело станет обвинителем, предав своего владельца:

В тот день Мы запечатаем их уста, и их руки будут говорить с Нами, и их ноги будут свидетельствовать о том, что они заслужили.

- Ясин 36:65

И виновных ждёт мука без облегчения:

Он будет пить её глотками, но едва сможет проглотить. Смерть будет приходить к нему со всех сторон, но он не умрёт; и перед ним будет великое наказание.

- Ибрахим 14:17

Талмуд не оставляет сомнений:

Нечестивые... не имеют доли в грядущем мире.

- Санхедрин 90a

Во всех традициях вердикт единогласен: такое массовое истребление — не просто грех, который можно искупить в Геенне, а **злоупотребление именем Бога**. Это нарушает *пикуах нефеш* — заповедь, придающую приоритет спасению жизни, — и насмехается над истиной, что люди созданы *б'целом элохим* — по образу Бога. Это открытое неповиновение Его заповедям и святотатство, последствием которого является вечное исключение.

Осуждение молчания: зрители как соучастники

Но парадокс простирается ещё дальше: отказ Бога нарушать Свой закон означает, что мир подвергается испытанию, а зрители разоблачаются. Писание осуждает не только виновных, но и тех, кто видит и ничего не делает:

Воистину, Мы создали для Ада многих из джиннов и людей. У них есть сердца, которыми они не понимают, глаза, которыми они не видят, и уши, которыми они не слышат. Они подобны скоту — нет, ещё более заблудшие. Это они и есть беспечные.

- Аль-А'раф 7:179

Это гром против «скота» истории — правительств, блокирующих перемирия, СМИ, уравнивающих «обе стороны», граждан, пролистывающих обломки. Нейтралитет перед лицом массового убийства — это соучастие.

Талмуд говорит: *коль Исраэль аревим зэ ба-зэ* — «весь Израиль ответственен друг за друга». В духе это универсально: всё человечество связано ответственностью. Молчание — это не нейтралитет; это предательство.

Парадокс всемогущества в Газе

Здесь парадокс становится острее: Бог всемогущ, но Он связывает Себя Своим собственным моральным законом. Он не совершит убийство, чтобы остановить убийство. Он не совершит несправедливость, чтобы остановить несправедливость. Вместо этого Он позволяет человеческому злу разоблачить себя — и тем самым сохраняет Свою моральную чистоту для окончательного суда.

Для мучеников это означает утешение: их кровь не потеряна, а преобразована в свидетельство и честь. Для виновных это означает осуждение: их преступления вопиют против них, их собственные тела будут свидетельствовать, и их судьба — вечное исключение. Для зрителей это означает разоблачение: их молчание — соучастие, их нейтралитет — проклятие.

Заключение

Парадокс всемогущества — это не абстрактная загадка, а реальность, прожитая в Газе. Он показывает нам, что сила Бога не произвольна, а основана на принципах. Он выбрал сдержанность, и в этой сдержанности заключены как утешение для невинных, так и осуждение для виновных.

Для виновных их собственные тела будут свидетельствовать против них, их муки будут бесконечны, их преступления отзываются эхом самой земли. Для зрителей само молчание — это проклятие. Для мучеников есть жизнь за гранью смерти, радость за гранью скорби.

Из руин Газы поднимается не доказательство отсутствия Бога, а двойная истина: человеческая жестокость реальна, а божественная справедливость неотвратима. Остаётся вопрос, признаем ли мы, всё ещё дышащие, этот парадокс — и будем ли жить по закону жизни, установленному Богом: спасать, а не убивать.